

Цзян Ехун чувствовал, как сердце обливается кровью.

— Молчи, ничего не говори! Я сейчас же отведу тебя к лекарю.

Жун Жо, из последних сил борясь с мучительным откатом, вцепился в его рукав.

— Старший брат Чу... не надо... — Его голос прервался, новая порция крови хлынула изо рта, окропив пальцы Ехуна. Жун Жо в испуге попытался стереть пятна. — Прости... я... я испачкал тебя...

— О чем ты только думаешь в такой момент! — Цзян Ехун подхватил его на руки. — Плевать на всё, я иду за врачом.

Жун Жо бессильно прижался к его плечу, он дышал всё слабее.

— Нельзя... лекарю нельзя это видеть... я...

Тут Ехун заметил, как по шее юноши поползли зловещие багрово-фиолетовые нити.

— Снова магическая отдача?

Жун Жо лишь мучительно кивнул.

— Нельзя... к лекарю нельзя...

Цзян Ехун замер посреди двора, охваченный беспомощностью. Он не знал, куда бежать и что делать.

— Но как же... А-Жо, скажи, чем я могу помочь?

Юноша дрожащей рукой указал в сторону дома:

— В комнату...

Ехун бережно внес его в дом и опустил на постель, словно Жун Жо был сделан из тончайшего фарфора, готового рассыпаться от малейшего прикосновения.

— Скажи мне, что делать? А-Жо, умоляю, ответь!

Никогда еще Цзян Ехун не чувствовал себя таким потерянным. Ужас ледяной хваткой сжал его сердце — он до смерти боялся, что с Жун Жо случится непоправимое.

Тот с трудом приоткрыл глаза и попытался выдавить бледную улыбку.

— Всё хорошо... не надо... — Он коснулся щекой руки Ехуна, стирая следы крови. — Не бойся за меня...

Но кровь продолжала сочиться из уголков его губ. Ехун в панике подставил ладони, пытаясь удержать эти алые капли, но Жун Жо слабо оттолкнул его руки:

— Грязно... не трогай...

— Да какой тут «не трогай»! — вскричал Ехун, едва не плача. — А-Жо, давай позовем доктора? Если с тобой что-то случится, как я буду жить дальше?

Жун Жо лишь сильнее нахмурился от боли.

— Я справлюсь... всё скоро пройдет...

«Даже сейчас ты пытаешься меня успокоить... Не будь таким упрямым, А-Жо! Пожалуйста...» — Ехун нежно гладил его по голове. Взгляд Жун Жо затуманился. Кажется, только У Жун когда-то говорил ему эти слова — «не будь упрямым». В памяти всплыл темный, сырой грот, кишасший скользкими черными змеями. Он не помнил, сколько провел в том аду — десять дней или месяц. Чтобы выжить, ему приходилось есть этих змей сырыми.

Грудь словно разрывало изнутри, горло горело от жажды, а во рту стоял невыносимый вкус крови. Сознание Жун Жо медленно возвращалось, пробиваясь сквозь пелену бреда. Он почувствовал теплую, тяжелую ладонь на своей голове. Это прикосновение дарило такое спокойствие и уют, что страх начал отступать. Впервые в жизни ему показалось, что можно не притворяться сильным, можно просто быть ребенком — плакать, когда страшно. Слезы переполнили глаза, и Жун Жо тихо всхлипнул. У Ехуна сердце разлетелось на куски.

— Плачь, А-Жо, если хочешь. Не бойся, твой старший брат Чу всегда будет рядом.

Слезы хлынули ручьем.

— Больно... мне так больно...

Ехун замер. Он наконец услышал этот крик о помощи, но от него стало только горше.

— Глупый ты, А-Жо... Кто научил тебя так сдерживаться?

Жун Жо горько усмехнулся сквозь кашель:

— Смысл кричать... если всё равно некому пожалеть...

У Цзян Ехуна покраснели глаза.

— Мне не всё равно. Слышишь? Если тебе больно — не терпи. Я здесь. Если бы я мог забрать твою боль себе, я бы не раздумывая перенес любые муки.

Жун Жо снова закрыл глаза и, кажется, забылся тяжелым сном. Ехун проверил его пульс — тот был прерывистым, дыхание сбивалось. Всё это случилось из-за него. Какая к черту благодарность? Жун Жо спасал его дважды, и все долги давно были выплачены сполна. Ехун проклинал себя: он выкупил юношу из музыкального дома только для того, чтобы тот целыми днями стирал и готовил, портя руки в ледяной воде, а теперь еще и пострадал, защищая его.

Сознание Ехуна путалось от усталости, но оставить Жун Жо он не мог. Подоткнув одеяло, он решил бежать за лекарствами — раз нельзя привести врача сюда, можно хотя бы описать симптомы. Несмотря на поздний час, он добежал до Медицинской лавки семьи Ду и принялся барабанить в дверь.

— Доктор Ду, откройте! Мне срочно нужны лекарства!

Ду Цзичан уже лег спать и вышел к двери, на ходу запахивая халат.

— Что за спешка? Ловец Чу, вы неважно себя чувствуете?

Ехун тяжело дышал, пот градом катился по лицу.

— Не мне... Это... — он замялся, не зная, как объяснить. Нельзя же сказать, что Жун Жо рвет кровью из-за магического отката. — В общем, один мой друг... он переусердствовал в тренировках, случился застой ци. Его рвало кровью, сейчас у него жар, он без сознания. Дайте что-нибудь, чтобы стабилизировать состояние!

Доктор Ду замер в нерешительности.

— Переусердствовал? Уж не темными ли искусствами он занимается?

— Я не знаю! — отрезал Ехун. — Просто дайте лекарство от этих симптомов!

Видя сомнения лекаря, Ехун добавил твердо:

— Не бойтесь, если что-то пойдет не так, винить вас не стану. Я сам прошу эти лекарства и всю ответственность беру на себя.

— Хорошо-хорошо, сейчас всё соберу.

Получив свертки, Ехун со всех ног бросился обратно. Первым делом он заглянул в комнату Жун Жо. Тот уже пришел в себя: он сидел на постели, опираясь на колени, одежда сползла до самых локтей, обнажая белоснежную спину. Длинные волосы беспорядочно рассыпались по плечам, пряди прилипли к влажной от пота коже. Лицо юноши пылало лихорадочным румянцем, губы были приоткрыты, он тяжело хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Услышав шаги, Жун Жо слабо повернул голову.

— Старший брат... Чу...

Ехун вспыхнул до корней волос и мгновенно отвернулся.

— Ты... ты очнулся... Я не знал, что ты...

Образ Жун Жо не выходил у него из головы: этот изгиб шеи, капельки пота, алеющие губы — всё это подействовало на Ехуна как искра, брошенная в сухой хворост. Внутри мгновенно вспыхнул пожар, в горле пересохло.

— Старший брат... пить...

Этот слабый, тягучий голос заставил кровь Ехуна закипеть. Кости словно обратились в воск. С трудом сглотнув, он отложил лекарства и дрожащими руками налил воды. Когда он обернулся, Жун Жо смотрел на него влажными, затуманенными глазами. Он казался манящим. Ехун невольно засмотрелся, он задышал тяжело.

— Как ты... когда ты проснулся?..

— Не знаю... жарко...

Рука Ехуна дрогнула, когда он протянул чашку. Жун Жо потянулся навстречу, но вместо чашки его тонкие пальцы сначала коснулись запястья Ехуна и медленно скользнули к ладони. Кожа Жун Жо была обжигающей. Там, где прошли его пальцы, оставался след невыносимого жара. Ехун поднял взгляд.

Юноша смотрел на него сквозь дымку ресниц, в его глазах застыл странный призыв — не то насмешка, не то мольба. Этот взгляд, словно рыболовный крючок, вонзился в самую душу

Ехуна, лишая воли.

Жун Жо взял чашку и начал пить — жадно, торопливо. Вода потекла по подбородку, заструилась по шее и скрылась в вырезе распахнутой на груди рубахи.

В этот миг рассудок окончательно покинул Ехуна. Жун Жо, осушив чашку, бессильно выронил её — она упала на одеяло. Он попытался потянуться за ней, но руки подкосились.

— Старший брат, у меня совсем нет сил... — прошептал он, глядя с надеждой.

Ехун заворуженно посмотрел на него. Ноги сами понесли его к кровати. Он обхватил подбородок Жун Жо. Запах... этот аромат морозной сливы сейчас казался дурманящим ядом. Ехун горел. Ему казалось, что только этот юноша, холодный и прекрасный, может принести ему облегчение. Он погладил Жун Жо по щеке, большим пальцем стирая влагу с губ. Остатки благоразумия еще пытались кричать, что это неправильно, но тело не слушалось. Он хотел смять эти губы поцелуем, ласкать эти плечи, оставить свои следы на этой безупречной белой коже.

Жун Жо смотрел на него томительно, словно приглашая. Ехун окончательно потерял голову. Он приник к его губам, впиваясь в них, жадно выпивая этот стон. Под ладонями была нежная, податливая плоть.

— А-Жо... я хочу тебя... — прохрипел он.

Цзян Ехун резко открыл глаза.

В комнате было светло. Он сидел, скорчившись, привалившись к краю кровати. Жун Жо тихо лежал на подушках; лицо его по-прежнему было бледным, но дыхание выровнялось.

Это был сон?

Ехун судорожно сглотнул, вытирая пот со лба. Сердце всё еще бешено колотилось в груди, а внизу живота разливалась постыдная тяжесть. Штаны намокли — он, взрослый мужчина, только что увидел во сне нечто настолько непотребное, что готов был провалиться сквозь землю. Сгорая от стыда, он выскочил из комнаты и бросился к себе, чтобы переодеться.

Жун Жо приоткрыл один глаз, на его губах промелькнула едва заметная улыбка. Он снова закрыл глаза — слабость еще не отпустила его.

Ехун закрыл лицо руками. За всю жизнь он редко видел подобные сны, а уж чтобы героем был мужчина... Он чувствовал себя влюбленной девчонкой, чьи мысли полны греховных фантазий. Если Жун Жо узнает, о чем думал его «старший брат», он же сбежит в ту же ночь! Ехуну было невыносимо стыдно смотреть другу в глаза, но и оставить его больного он не мог. В итоге он

надел шляпу и повязал лицо платком, оставив лишь узкую щель для глаз.

Жун Жо услышал скрип двери и повернул голову.

— Старший брат Чу, это ты?

— Я... это я. Сварил тебе немного каши, поешь немного.

Жун Жо озадаченно уставился на его маску, а затем обиженно опустил взгляд.

— Старший брат... магический откат — это не чума. Он не заразен. Тебе не нужно так прятаться. Если в комнате слишком сильно пахнет кровью, просто оставь еду у порога. Я сам справлюсь, не буду тебя утруждать.

В голосе юноши задрожали слезы. Ехун в ужасе сорвал платок.

— Нет-нет, я вовсе не это имел в виду! Я просто... — А что он мог сказать? Что ему стыдно за свой сон? Ехун снова залился краской, но, видя обиду Жун Жо, почувствовал еще большую вину. — Я не брезгую тобой! Просто... просто мне совестно на тебя смотреть!

<http://bllate.org/book/17428/1664571>